

КУПИЛ я как-то книгу С. Г. Кара-Мурзы «Малый театр. Очерки и впечатления», изданную в 1924 году. Экземпляр аккуратный, в хорошем переплете. Принес домой, перелистал: экая беда! После страницы 32-й сразу 49-я. А книга хоть и не редкая, но интересная. Если случится, думаю, придется еще одну купить.

Месяца через два в ныне уже не существующем букинистическом магазине на улице Горького (там, где строится новый корпус гостиницы «Националь») просматриваю карточку по театру. Есть Кара-Мурза! Только подозрительно дешевый: семьдесят копеек вместо обычных двух рублей. Ага! Понятно, в чем дело. Книжка потрепанная, с оторванным переплетом, рассыпается по листочкам и, чтоб они не потерялись, связана крест-накрест веревочкой. Мне-то, впрочем, все равно. Возьму отсюда, недостающие листы и вклею их в свой экземпляр.

Дома развязал веревочку и... ахнул! Почти на каждой странице — карандашные пометки на полях. Почерк мелкий, но четкий. Разобрать можно.

Читаю первую попавшуюся запись: «Н. М. жила на даче Сиу, а на соседней дачке крестьянина Якова Кабанова жил дядя М. Н. Ермоловой, Ив. Ал., бывший балетный артист и препод. Театр. училища. Одно лето (1891?) я жил у них в семье и вечерами часто присутствовал при беседах Н. М. Медведевой и М. Н. Ермоловой».

Оказывается, автор заметок — знакомый Ермоловой! Дальше, дальше... Короткие реплики, оценки отдельных ролей, штрихи, бытовые подробности. Иногда автор соглашается с Кара-Мурзой, иногда спорит... Об артистке Малого театра Н. А. Никулиной по поводу ее Городничихи в «Ревизоре» лаконичное восклицание: «Вершина!». На следующей странице: «А почему ни слова о роли в «Хрущевских помещиках» Федотова, лучшей после Городничихи?» И тут же весьма неслучайная бытовая характеристика: «Целые ночи просиживала в Л. Х. кружке за игрой в «железку». По советам сказать, неприятна она бывала, — усталая, растрепанная, с прилипшим к нижней отвислой губе окурком папиросы».

А вот об Ольге Осиповне Садовской: «Изумительна была С. в «Компаньонах» Невежина. Мне рассказывала одна из второстепенных артисток Малого театра — не то М. Ив. Ермолова, не то Е. А. Харитоновна, что О. О. сама удивлялась, что у ней выходило. «Подхватило и несет», — говорила она».

На тех страницах, где Кара-Мурза пишет о Ермоловой, заметок особенно много.

«Со слов самой М. Н. Ермоловой, — читаю я. — За ней ухаживали А. И. Чупров и Н. И. Стороженко. Когда они приезжали на дачу, первый жертвовал собой: он дарил отцу М. Н. сигары, до которых тот был большой охотник, и уводил его курить их в сад, оставляя М. Н. наедине со Стороженко». Чупров и Стороженко — известные профессора Московского университета.

На той странице, где Кара-Мурза пишет о том, что «воплощение ролей Островского не характеризует вершин сценического творчества Ермоловой», следует реплика: «Негина характеризует, да еще как!.. Роль Кулавиной надо подчеркнуть по мастерству исполнения. Так отрешиться от себя, перевоплотиться могла только гениальная артистка».

Что ни страница, то новые интересные оценки, любопытные детали исполнения, а то и просто анекдоты. Вот один из них.

«Семейно-драматическая труппа», — остряли в Москве. Была в Малом театре артистка Кузина. По поводу нее М. П. Садовский рассказывал:

«Два приятеля — москвич и провинциал — стоят у Малого театра и читают афишу.

— Садовский... Садовский 2-й. Родственник?

— Сын.

— Садовская... Садовская 2-я. А это что?

— Дочь.

— А! Дочь... Ермолова... Ермолова 2-я...

— Это двоюродная сестра.

— Федотова... Федотов... Муж, что ли?

— Нет, сын.

— Кузина... Ишь ты! Прямо без фамилии, просто кузина, да и все тут. Неизвестно чья...».

Но кто же автор этих заметок? Загадка. Впрочем, вот! Есть ниточка. На странице 129 записано: «Сегодня моим слабым, но искренним словом я почтил М. Н. в заседании О. Л. Р. Сл. и ГАХН. Мой «голос зрителя» имел успех. От того, что был искренен» 30-IX — 1928 г.».

Может быть, удастся найти очевидцев этого выступления?

Начал я с того, что обратился к Владимиру Александровичу Филиппову, «летописцу» Малого театра, крупнейшему знатоку его истории. К тому же в те годы Владимир Александрович заведовал театральным отделом ГАХН (Государственная Академия художественных наук) и несомненно должен был иметь прямое отношение к вышеупомянутому заседанию.

И вот я в Бахрушинском музее, у профессора Филиппова.

Знакомая массивная, почти квадратная фигура, седоватый клинышек бородки и пронзительные маленькие глаза, чуть видные из-за бровей, которые разрослись настолько, что стали похожи на усы. Сейчас эти глаза глядят явно заинтересованно.

— Ну-ка, посмотрим, что это за заметки...

Владимир Александрович перелистывает страницы, читает карандашные строчки и как бы думает вслух. И, оказывается, эти его размышления и воспоминания не менее интересны, чем сами записи!

Прочитав характеристику Никулиной, профессор произнес задумчиво:

— Чрезвычайно странная была женщина. Вы знаете, сын ее покончил жизнь самоубийством. Она в тот вечер сидит спокойно, чай пьет.

Да... На сцене перерождалась совершенно. Какой-то стихийный талант был. По наитию играла.

По поводу заметок о Садовской: — Драгоценное свидетельство... Мож-

но догадываться, что интуиция у нее была богатейшая... Но чтоб она сама об этом говорила?! Чрезвычайно интересно...

«Тут был один замечательный штрих, — читает Владимир Александрович о Ермоловой в роли Демуриной («Цена жизни» Немировича-Данченко). — Как Ермолова переворачивала страницы письма. Демурина уже знает его, оно огненными буквами врезалось в ее память и, не успев перевернуть и расправить страницу, она читает наизусть».

Профессор вдруг встал и показал, как это делала Ермолова.

И, честное слово, на мгновение я вдруг увидел Ермолову, в каком-то самозабвении повторяющую слова рокового письма...

Кара-Мурза написал о том, что А. А. Яблочкина играла Дездемону с Отелло — Сальвини по-итальянски. По этому поводу на полях записано: «Я видел, правда, один раз, и никакого итальянского языка не было!».

— Он прав, — заметил Филиппов. — Яблочкина действительно играла по-русски. Все дело в постижении мелодии чужого языка. Эта мелодия может обмануть даже опытного зрителя... Когда Травдин играл немцев, многие думали, что он говорил по-немецки. А на самом деле ничего подобного!.. Между прочим, Осип Андреевич Правдин под конец жизни почти совсем оглох. И память у него была неважная. Заучивание текста ролей превратилось в сущее мучение. В день спектакля Осип Андреевич с утра записался и зубрил роль... Но был в Малом театре замечательный суфлер Зайцев, который всегда выручал Правдина. Слов тот все равно не слышит, так суфлер ему мелодию подавал, ритмический рисунок, интонацию (профессор неподражаемо показал, как это делал Зайцев) — и Осип Андреевич сразу схватывал...

Наконец перевернута последняя страница, и я задаю вопрос, который давно вертится на языке:

— Кто же автор?

Владимир Александрович задумывается:

— Вы знаете, я хорошо помню это заседание. Оно было в актовом зале Московского университета. Выступали Немирович-Данченко, Сакулин, Яблочкина... И я тоже выступил... Помню, когда кончил, Немирович-Данченко прислал мне записку... Очень лестного содержания... Она у меня и сейчас хранится... Признаться, я обрадовался, сделал знак жене и вышел с нею — поделиться этой радостью... Так что, тех, кто выступал после меня, не слышал. Вполне вероятно, что я с этим человеком был знаком. Наверное, он приходил ко мне в ГАХН договариваться о выступлении... Но, знаете, годы... Память уже не та!

Итак, загадка по-прежнему не разгадана. Но есть еще один путь. Не может быть, чтобы о заседании, посвященном памяти Ермоловой, не было никаких упоминаний в тогдашних газетах и журналах. В каком-нибудь отчете, наверное, можно найти и фамилии ораторов.

И вот я сижу в Ленинской библиотеке и листаю подшивки за 1928 год. Журнал «Новый зритель» — ничего нет. Еще один журнал — «Современный театр»... «Отъезд М. Чехова за границу»... «Кризис в театре Мейерхольда»... Есть! «30 сентября в I МГУ Общество любителей российской словесности устроило торжественное заседание, посвященное памяти великой артистки русской сцены М. Н. Ермоловой».

Председатель общества профессор П. Н. Сакулин дал в своей речи яркий образ покойной артистки.

С воспоминаниями о великой артистке выступили В. И. Немирович-Данченко, А. А. Яблочкина и др.».

Проклятое «и др.»! Но еще не все потеряно. Передо мной пухлый комплект «Вечерней Москвы». Вот и номер за первое октября. Так... «Апостол буржуазии. Новейшие откровения Карла Каутского»... «После окончания жене-

ской комедии. Сессия бесплодных разговоров»... «Жизнь Грамши в опасности»... Знакомая по «12 стульям» рубрика: «Суд и быт»... Нашел! «Памяти великой артистки... Вчера в актовом зале... открыл П. Н. Сакулин... В. И. Немирович-Данченко вспоминает... С воспоминаниями выступили А. А. Яблочкина, Мендельсон и др.».

Опять «и др.» Но все же появилась новая фамилия — Мендельсон.

Мендельсон... Ну, хорошо, композитор Мендельсон. А еще где я слышал эту фамилию? Погодите, ведь в сборнике, посвященном Ермоловой, есть воспоминания какого-то Мендельсона!

Дома хватаю сборник, изданный в 1955 году под редакцией Дурылина. Страница 386. «Н. М. Мендельсон. Ермолова (воспоминания)». Некоторые мысли очень схожи с заметками на полях. Например, описание Ермоловой в последнем акте «Марии Стюарт». Кажется, загадка решена!

Читаю примечания: «Николай Михайлович Мендельсон (1872—1934) — известный литературовед и историк, автор исследований по фольклору, работ о творчестве Лермонтова, Тургенева, Герцена, Огарева, Салтыкова-Щедрина. В годы учения на историко-филологическом факультете Московского университета был постоянным посетителем Малого театра, не пропускал спектаклей с участием М. Н. Ермоловой... Болезнь и смерть помешали Мендельсону закончить его воспоминания, осталась только глава о Малом театре 1890—1900 гг. Страницы, посвященные М. Н. Ермоловой, являются лучшей частью этой главы. Печатается впервые».

Так вот он кто, первый владелец попавшей ко мне книжки... А впрочем, он ли? Два-три совпадения могут оказаться случайными. Хорошо бы достать какую-нибудь рукопись Мендельсона и сравнить почерк. Но где ее достать? Конечно, в отделе рукописей Ленинской библиотеки. Ведь там есть буквально все!

Действительно, среди многих тысяч карточек каталога рукописей нахожу одну: «Мендельсон Н. М. Письмо к Хорошко В. К. Фонд 390, картон 2, единица хранения 21».

Через несколько минут в руках у меня листок бумаги. Обыкновенное рекомендательное письмо. «Знаю такую-то...». Но почерк! Тот же — мелкий, четкий, уверенный...

Спрашиваю дежурного читального зала:

— Может, у вас есть еще какие-нибудь рукописи Мендельсона?

— Как же, есть специальный фонд Николая Михайловича. Ведь он последние годы жизни был сотрудником нашей библиотеки. Работал здесь, в отделе рукописей...

И вот я держу несколько толстых тетрадей, исписанных таким знакомым мелким почерком. «Воспоминания о Малом театре». Я читаю их за тем самым столом, за которым несколько лет работал автор. Нет возможности переписать содержание этих интересных воспоминаний. Тут вы найдете любопытные подробности о Ленском, Южине, Горева, Медведевой... Много написано с их слов, и все на основании личных впечатлений автора.

Есть здесь и другие любопытные документы. Письмо с благодарностью за выступление на ермоловском вечере, подписанное директором Малого театра, конспект этого выступления, речь, посвященная памяти Южина... Всего не перечешишь. Если заинтересовались — заходите в отдел рукописей Ленинской библиотеки и прочтите сами!

А что касается книги с заметками на полях, то ее, увы, уже нет в моей театральной библиотеке. Вы бы на моем месте тоже подарили ее Владимиру Александровичу Филиппову... После недавней смерти профессора книжка вместе со всей его библиотекой передана, очевидно, в Бахрушинский музей.

Б. ВЕСЕЕВ.